

Н. Г. Гарсоян

РОЛЬ ВОСТОЧНОГО ДУХОВЕНСТВА В ВИЗАНТИНО-САСАНИДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Вопреки продолжительной традиции неугасимой вражды, разделявшей Римскую и Сасанидскую империи, тесные дипломатические отношения между этими двумя мировыми державами не прекращались. Более шестидесяти лет тому назад немецкий ученый Карл Гютербок проследил систему «старших» и «младших» посольств, которыми обменивались Константинополь и Ктесифон, и заметил, что важные миссии обеих империй обязательно поручались лицам из высшего класса общества: старшим чиновникам, принадлежавшим, по крайней мере, к разряду патрициев с римской стороны, а с персидской — к великим вельможам и наследственным дворянам¹. Официальный протокол для таких дипломатических обменов был настолько точно установлен, церемонии для принятия послов выработаны в таких тонких деталях, что посланники императора Тиверия, спокойно продолжая свой путь к персидскому двору, чтобы представить свои полномочия царю Хормизду IV после смерти его отца Хосрова I Ануширвана, были совершенно шокированы грубым приемом, оказанным им в Ктесифоне². Военные лица также служили при случае послами³, а менее важные миссии поручались силентиарам, риторам, врачам, переводчикам и государственным секретарям⁴.

Анализ Гютербока дает нам ясное представление о характере обменов между Византией и Ираном. Но его обращение почти исключительно к греческим авторам при пренебрежении восточными и церковными источниками привело к тому, что он не заметил важной дипломатической роли, сыгранной христианами и в особенности восточным христианским духовенством. Наш краткий обзор посвящен специально этому вопросу.

С начала V в. епископы стали часто принимать участие в местных делах, заступаясь в военное время за свой осажденный город или, наоборот, убеждая гарнизон сдаться неприятелю. В IV в. этим занимались губернаторы, военачальники или гражданские лица⁵, впоследствии передав эту роль духовенству. Барадатес Константинопольский ходатайствовал перед царем Кавадом в 503 г.⁶ Во время великого похода 540 г. Хосров Ануширван вел много-

численные переговоры с духовными лицами: с епископом Суры на Евфрате, с Кандидом Сергиополийским — о выкупе пленных, с Мегасом Бероейским — насчет Антиохии и пр.⁷ Епископ и гражданские сановники Апамай вели переговоры с персидским марзбаном, а в 580 г. персидский защитник осажденного Хломарона послал городского епископа обсуждать положение с Маврикием⁸. Митрополиту Домициану Мелитенскому удалось добиться сдачи Мартирополя в 591 г.⁹ Персидский католикос Сабришо имел успех в переговорах с восставшим Нисибисом в 604 г.¹⁰

Восточным духовным сановникам в то время поручались и другие должности. Правительство при императоре Маврикии прибегло к авторитету епископа Константинского и, более успешно, к влиянию Григория Антиохийского для успокоения мятежа в византийской армии на восточном фронте¹¹. Еще более интересной является роль несторианского епископа Барсомы в 484 г. Во время его возвращения из посольства в Константинополь персидские власти приказали ему задержаться в Нисибисе, чтобы участвовать в пограничной комиссии, в которую одновременно входили местный марзбан, ромейский дук и арабский правитель¹².

Более важным, чем это ограниченное использование духовных лиц на местных политических должностях, является официальное назначение епископов, наряду со светскими сановниками, главами «старших» посольств. Первым известным нам подобным случаем является миссия армянского католикоса Нерсеса I, прибывшего в 358 г. ко двору императора Констанция, чтобы продолжать от имени царя царей Шапура II мирные переговоры, начатые преторианским префектом востока Мусонианом и месопотамским дукой Кассианом с персидским бдешхом Тамшапуром¹³. В самом начале V в. епископ Майферкатский Марута приехал в Ктесифон, возможно, с поручением объявить Ездегерду I о вступлении на престол императора Феодосия II¹⁴. В 417—418 гг. персидский католикос Ябаллаха I был послан вести мирные переговоры в Константинополе, а император почти одновременно аккредитовал епископа Аккакия Амидского ко двору царя царей¹⁵. Миссия Барсомы в 484 г. ставила целью сообщить о воцарении шаханшаха Валарша¹⁶, и персидский католикос Аккакий вскоре официально заменил его в Константинополе¹⁷. Епископы Резайны и Нисибиса представляли империю во время мирных переговоров 581 г.¹⁸, а в 586 г. Нисибийский епископ, наоборот, защищал интересы Ирана перед византийским главнокомандующим Филиппиком при Амиде¹⁹. Главными представителями и руководителями, посланными Маврикием принять молодого Хосрова II Парвиза в империю, являлись царский родственник и близкий советник Домициан Мелитенский и Григорий Антиохийский²⁰. Наконец, мы узнаем из сирийских источников, что в самый поздний период Сасанидской державы шаханшах Шероие обратился к высшей несторианской власти с вопросом о сформировании посольства к императору Ираклию²¹, и царица Боран назначила послом самого католикоса

Ишояба II²². Епископы-послы были столь обычным явлением, что автор более позднего времени Бархебрей ошибочно отождествляет патриция Иоанна Комментиола, посланного Юстином II в Персию, с патриархом Калиникона²³, а Прокопий Кесарийский обращает наше внимание на то, что итальянский священник, посланный в Иран готским королем Витигисом, ложно присвоил себе епископский сан для этой миссии²⁴.

Очень интересно заметить, что во всех таких сношениях персы пользовались епископами-послами так же часто, как и византийцы. Важно подчеркнуть, что, несмотря на церковный сан, послы не были автоматическими сторонниками христианской империи. Верность Григория Антиохийского и особенно Домициана Мелитенского своему родственнику Маврикию была, безусловно, непоколебимой, но персидские епископы оставались одинаково преданными интересам царя царей. Епископ Нисибийский полностью поддерживал попытки сатрапа Мебода в его переговорах с генералом Филиппиком²⁵. Католикос Сабришо согласился короновать молодого Лже-Феодосия, которого Хосров Парвиз выставлял как сына и преемника погибшего Маврикия, он также сопровождал шаханшаха во время его похода против империи²⁶. Епископ Барсома послал царю Перозу донос на католикоса Бабовая за его переписку с императором Зеноном²⁷, а несторианский католикос обвинял епископа Симеона Бейт-Аршамского в измене Персии²⁸. С другой стороны, в 360 г. епископ Безабде, который вел переговоры с осаждавшими город персами, был обвинен в намерении предать его неприятелю²⁹.

Христианское население области Арзанены отказалось поддержать армянское восстание против Персии в 572 г., оно пряталось от наступавшего византийского войска и вело себя настолько враждебно, что императорские власти принудительно сослали многих на Кипр³⁰. В Хломароне местный епископ, который вел переговоры с ромеями, оказался так предан персам, что Маврикий приказал держать его в заключении³¹. С ним, наверное, можно отождествить епископа Ишояба Арзонского, избрание которого на католикосат, по-видимому, было наградой за доклады о движениях византийского войска в пределах его области³², впоследствии он отказался, к великому неудовольствию Маврикия, сопроводить Хосрова Парвиза в его бегстве на территорию империи в 591 г.³³. Не менее интересно сомнительное поведение армянского католикоса, посланного персидским генералом вести переговоры с ромейским вождем Валерианом. Католикос заявил, что он, как христианин, стоял на стороне Византии, и советовал Валериану вести переговоры, хвастаясь своим влиянием на Хосрова Ануширвана, но его настоящая цель, по-видимому, была оттянуть время, так как мы узнаем от Прокопия, что его же брат открыл Валериану, в каком затруднительном положении находились персы в этот момент, и советовал ему не идти на компромисс³⁴.

Проперсидская позиция восточного духовенства может объяс-

няться и осторожностью, и его религиозной и политической преданностью. Нам уже пришлось упоминать о доносе на католикоса Бабовая и на Симеона Бейт-Аршамского за их сношения с ромеями. Католикосам Аккакию и Ишоюбу II по возвращении в Персию после посольства были предъявлены обвинения в том, что они признали причастие, отождествляющее их религиозное согласие с византийским патриархом³⁵. Армянский католикос был обвинен в 572 г. в этом же³⁶. В свою очередь, несторианский католикос Ишоюб, может быть, опасался подобного принуждения к религиозному компромиссу, если бы он согласился сопроводить Хосрова Парвиза в византийские земли в 591 г.³⁷ С другой стороны, непоколебима верность Домициана Мелитенского частично объясняется его точно установленным халкедонским православием³⁸.

Политическая роль восточных христиан большей частью обуславливалась их исповедальными связями. Как указывалось раньше³⁹, политическая и религиозная верность были нераздельны в ту эпоху, и христиане автоматически подвергались подозрению в зороастрийском Иране за свою принадлежность к религии его мощного византийского противника. Христиане воспринимались персидскими властями как таковые лишь только в то время, когда их ереси (либо несторианская, либо монофиситская) превращали их в *regnum populi graeci* для Константинополя. Следовательно, персидская духовная власть старалась сохранить этот неустойчивый баланс, подчеркивая и свое неприятие западной религиозной юрисдикции и догмы и одновременно преданность Ирану⁴⁰. При такой политике сиро-месопотамские или армянские епископы становились полезными агентами с многочисленными контактами по обе стороны границы. Широкое использование епископов-послов обеими империями освещает не только ирано-византийские дипломатические приемы и политическую деятельность церкви в ту эпоху, но также двойственность восточного христианского мира, одновременно связывающего две соперничающие культуры и оберегающего свой традиционный облик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ K. Güterbock. Byzanz und Persien in ihren diplomatisch-völkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians. Berl., 1960, S. 14—16. Автор замечает, что даже врач Захарий был назначен консулом для такой важной миссии. Cf.: *Men. Prot.*, frag. XXXVIII, XL—XLI, XLVI, LIV и также мою главу: *The Cultural Relations of Byzantium and Iran*. — In: «Cambridge History of Iran», v. 3 (в печати).

² *Men. Prot.*, frag. LV; *Joh. Eph.*, VI, 22; *Barhebraeus*, 81; *C. Patrono*. Bizantini e Persiani alla fine del IV secolo. — *Giornale della Società Asiatica Italiana*, v. 20, 1907, p. 202—203 (далее — *Patrono*). Cf.: *Men. Prot.*, frag. XI для протокола 562 г. и *Bell. Pers.*, II, 28. 39—44; *Bell. Goth.*, IV, 9. 2—7; 15. 1—13 для почетного приема Яздгушнаспа в Константинополе.

³ *Amm. Marc.*, XVII, 14. 1—3; XVIII, 6. 17; XXV, 7. 5; XXX, 2. 4—5; XXXI, 7.; *Bell. Pers.*, I, 2. 12; 9; 11. 23; *Zosimus*, III, 31; *Th. Sim.*, V, 3. 4—6; VIII, I. 1—8; *Malalas*, XIII, XVI, 335—336, 399; *Chr. Pasch.*, I, 553—554, 731, etc.

⁴ *Amm. Marc.*, XVII, 14.1—3; *Bell. Pers.*, II, 4.15—16; 21.1; 24.3—4; 27.24; *Th. Sim.*, III, 11, 12, 14; *Men. Prot.*, frag. XXXVII—XL1, XLVI; *Joh. Eph.*, VI, 5, 8; *Evagr.*, V, 11, 12, 15; *Chr. Pasch.*, I, 628, 730—735, etc.

⁵ Anantha — *Amm. Marc.*, XXIV, 1.8—9; Pirisabora — *Amm. Marc.*, XXIV, 11.11, 20; Nisibis — *Zosimus*, III, 33.

⁶ *Bell. Pers.*, II, 13.13—14.

⁷ Sura — *Bell. Pers.*, II, 5.13; Sergiopolis — *Bell. Pers.*, II, 5.29—33; Antiochia — *Bell. Pers.*, II, 5—6.

⁸ Arapea — *Joh. Eph.*, VI, 6; Chlomarón — *Men. Prot.*, frag. LVII; *Joh. Eph.*, VI, 38.

⁹ *Th. Sim.*, IV, 15. 8—18.

¹⁰ Die von Guidi herausgegebene syrische Chronik. — SAW, 1893, S. 12 (далее — *Anon Guidi*).

¹¹ *Evagr.*, VI, 12; *Th. Sim.*, III, 2, 9; *P. Goubert*. Byzance avant l'Islam. I. Byzance et l'Orient. P., 1951, p. 107, 112—113.

¹² *Syn. Or.*, p. 532—536; *Labourt*, p. 139, 145. Обыкновенные христиане, как, например, враждебный Себохтес (*Men. Prot.*, frag. XXXVI; *K. Güterbock*. Byzanz ..., S. 113, Anm. 3), и в особенности врачи, как, например, Трибониан и больше всех Захарий (*Bell. Pers.*, II, 28.3—4; *Bell. Goth.*, IV, 10.14; *Zacharias Rhetor*. Historia ecclesiastica. Louvain, 1953 (CSCO), XII, 7; *Men. Prot.*, frag. XXXVIII—XL, XLVI, LIV, LX; *Joh. Eph.*, III, 35, VI, 12, 26; *Evagr.*, V, 12; *Th. Sim.*, III, 12, etc.), служили послами, но для важных миссий, как увидим дальше, предпочиталось высшее духовенство. См. также выше прим. 1.

¹³ *N. Garsotan*. Quidam Narseus. — A Note on the Mission of St. Nersēs the Great. — Armeniaca. Mélanges d'études arméniennes. Venezia, 1969.

¹⁴ *Syn. Or.*, p. 255, 293; *Barhebraeus*, 66; *Labourt*, p. 87—89, 93.

¹⁵ *Syn. Or.*, p. 276—277; *Labourt*, p. 100—101.

¹⁶ См. выше прим. 12.

¹⁷ *Syn. Or.*, p. 533, n. 6; *Labourt*, p. 151.

¹⁸ *Joh. Eph.*, VI, 26.

¹⁹ *Th. Sim.*, I, 15.1; II, 10; III, 5.14; *Goubert*, p. 94, etc.

²⁰ *Joh. Eph.*, V, 19; *Evagr.*, VI, 18; *Th. Sim.*, IV, 14. 5—6; *Goubert*, p. 144—145.

²¹ *Thomas of Marga*. The Book of Governors, ed. W. Budge. L., 1893, I, 35; *Н. В. Пигулевская*. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М. — Л., 1946, стр. 42.

²² *Anon. Guidi*, 32; *Labourt*, p. 242—243.

²³ *Men. Prot.*, frag. XV; *Barhebraeus*, 77; cf.: *J. B. Chabot*. La Chronique de Michel le Syrien. P., 1899—1924, X, 1—2 (далее — *Mich. Syr.*).

²⁴ *Bell. Pers.*, II, 2.1—2; 14.11; *Bell. Goth.*, II, 22.17—20.

²⁵ См. выше прим. 19. *Н. В. Пигулевская* (Византия и Иран ..., стр. 72) предлагает отождествление Мебода с «мобедом, или зороастрийским жрецом, но К. А. Осипова в примечаниях к изданию «Истории» Феофилакта (*Феофилакт Симокатта*. История. Вступительная статья *Н. В. Пигулевской*, пер. С. П. Кондратьева, прим. К. А. Осиповой. М., 1957, стр. 200, прим. 60) принимает это слово за имя личное. Оно часто встречается именно в военной среде, например: *Bell. Pers.*, I, II.23; *Th. Sim.*, III, 3. 3; *Malalas*, XVI, 399, etc.

²⁶ *Anon. Guidi*, 19; *Labourt*, p. 212, 232, etc.

²⁷ *Mich. Syr.*, VIII, 14; *Labourt*, p. 130, 135.

²⁸ *Mich. Syr.*, IX, 9.

²⁹ *Amm. Marc.*, XX, 3. 7.

³⁰ *Socr. Schol.*, VII, 21; *Joh. Eph.*, VI, 28; *Th. Sim.*, II, 7. 1; *Mich. Syr.*, VIII, 3,14; *Goubert*, p. 76—77.

³¹ См. выше прим. 25.

³² *Men. Prot.*, frag. XXXVI; *Joh. Eph.*, II, 24; VI, 15; *Evagr.*, V, 7; *Th. Sim.*, III, 9.11; *Labourt*, p. 201; *Patróno*, p. 185; *Goubert*, p. 69, 76 etc.

³³ *Syn. Or.*, p. 391, n. 3; 452, n. 3; *Anon. Guidi*, 9,15; *Labourt*, p. 205—206; *Patróno*, p. 261; *Goubert*, p. 136—137, 144, n. 4; *А. И. Колесников*. Иран в начале VII в. — ПС, 22 (85), 1970, стр. 62.

³⁴ *Bell. Pers.*, II, 24.3—4.

³⁵ *Anon. Guidi*, 32, п. 5; *Labourt*, p. 151, 242—243.

³⁶ *Joh. Eph.*, VII, 2; *Mich. Syr.*, X, 12; см. также иную версию: G. Garitte ed. *La Narratio de rebus Armeniae*. Louvain, 1952, LXXXII—LXXXIX, 39—38, 175—225.

³⁷ См. выше прим. 32.

³⁸ *Joh. Eph.*, V, 19; *Mich. Syr.*, X, 23.

³⁹ Н. Г. Гарсоян. Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов «Армения» и «верность»). — «Вестник общественных наук Академии Наук Армянской ССР», 1971, № 3.

⁴⁰ *Syn. Or.*, 294—297, p. 299—309; *Labourt*, p. 118—125, 138—140. Это догматическое административно-религиозное решение, изменившее положение христианской церкви в Иране, может объяснить сравнительно более редкое использование епископов-послов до VI в., когда определилось религиозное разделение.